

А. И. АНДРЕЕВ, Т. И. ЮСУПОВА

**ИСТОРИЯ ОДНОГО НЕ СОВСЕМ ОБЫЧНОГО ПУТЕШЕСТВИЯ:
Монголо-Тибетская экспедиция П. К. Козлова (1923–1926 гг.)***

Наука и политика — две вещи разные,
тем более для меня ...

П. К. Козлов

П. П. Семенов-Тянь-Шанский в одной из речей, произнесенных в Русском географическом обществе (РГО), назвал Н. М. Пржевальского «героем русской географической науки» [1, л. 1]. Эти слова в полной мере можно отнести и к П. К. Козлову (1863–1935), ученику и наиболее ревностному последователю Н. М. Пржевальского, жизнь которого также была целиком отдана изучению Центральной Азии. Исследовательская деятельность Козлова началась в 1883 г. и продолжалась более 40 лет. В свое последнее путешествие ученый отправился в 1923 г., когда ему было почти шестьдесят. С этой экспедицией, организованной под эгидой РГО и поддержанной советским правительством, он связывал надежду на осуществление давней мечты, завещанной великим учителем, — пройти в запретную для европейцев столицу Тибета Лхасу. Подобный «географический подвиг» достойно увенчал бы дело всей его жизни. Однако в Тибет Козлов не попал, но не по причине неблагоприятной международной политической конъюнктуры, как долгие годы утверждали его биографы, а в результате поистине макиавеллиевской интриги советских властей, прежде всего руководителей ОГПУ и Наркоминдел Ф. Э. Держинского и Г. В. Чичерина. Впервые об истинных обстоятельствах задержки козловской экспедиции и ее переориентации с Тибета на Монголию стало известно из опубликованной в 1996 г. статьи одного из авторов [2], получившего возможность познакомиться с секретными материалами в Архиве Президента РФ.

Новые архивные документы, ставшие доступными в последние годы, позволяют существенно дополнить нарисованную ранее картину, особенно в той ее части, которая касается организации экспедиции. Многотрудное поэтапное утверждение Козловым своего проекта в высоких инстанциях (Наркоминдел, Госплан, Комитет науки, СНК), неожиданное вмешательство руководства РАН в планы исследователя с целью взять экспедицию РГО под свой контроль, ликвидация экспедиции Центром, а затем ее возрождение — все это дает повод вновь обратиться к необычной истории последнего путешествия Козлова, взглянуть на него под углом не столько конфронтации науки и политики, сколько их взаимодействия, а также с точки зрения противоречий внутри научного сообщества — следствия еще не сформировавшейся советской системы управления наукой.

Испытание революцией

В октябре 1917 г. П. К. Козлову исполнилось 54 года. За плечами путешественника было пять больших экспедиций — первые три под началом Н. М. Пржевальского, М. В. Певцова и В. И. Роборовского и затем две самостоятельные — Монголо-Камская и Монголо-Сычуаньская (в 1899–1901 и 1907–1909 гг.). Крупнейшее из открытий Козлова, сделавшее его имя всемирно известным, — обнаружение и рас-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (код проекта 98-03-04287) и гранта Института «Открытое общество» (RSS № 705/2000).

копки в 1908 г. в гобийской пустыне мертвого города Хара-хото. Это открытие не только дало науке ключи к тайнам тангутской культуры и обогатило российские музеи уникальными художественными коллекциями, но и еще более упрочило приоритет российских исследований в центральноазиатском регионе. В августе 1914 г. Козлов готовился выступить в новое, трехлетнее, путешествие в Монголию и Тибет, однако этому помешала начавшаяся мировая война. Вместо Азии полковника Генштаба Козлова направили на Юго-Западный фронт, где некоторое время он исполнял должность коменданта городов Тарнов и Яссы. После этого Козлов был командирован в Монголию во главе особой правительственной экспедиции («Монголэкс») с целью организации закупок скота для нужд действующей армии. По ее окончании Военное министерство присвоило ему звание генерал-майора.

О том, как воспринял Козлов бурные события 17-го, особенно октябрьский переворот, мы не знаем. В обширном личном архиве путешественника в РГО и в музее-квартире в Санкт-Петербурге отсутствуют какие-либо доку-

ментальные свидетельства этого периода, позволяющие судить о его политических пристрастиях. Впрочем, известно, что в прежние годы путешественнику благоволили император и великие князья Николай Михайлович и Константин Константинович (августейшие покровители РГО и Академии наук), живо интересовавшиеся не только азиатскими маршрутами Козлова, но и политической ситуацией вокруг Тибета. (Николай II и Константин Константинович, между прочим, обменивались письмами и подарками с 13-м Далай-ламой) Козлов неоднократно удостоивался высочайших аудиенций, получал награды из рук Николая II, лично показывал царской семье привезенные им из Хара-хото бесценные сокровища. Если добавить к этому то, что царь оказывал немалую поддержку — моральную и материальную — его исследовательским проектам, то нетрудно представить себе, какие чувства должны были вызвать у Козлова крушение монархии и установление большевистской диктатуры в России. В нетронутых цензурой дневниках Монголо-Тибетской экспедиции мы находим доволь-

Полковник Генерального штаба П. К. Козлов. 1912 г.

но любопытную запись — впечатление Петра Кузьмича (далее П. К.) от чтения одного из томов гессеновского «Архива русской революции» [3], проливающее некоторый свет на его политические взгляды:

С вечера я долго читал «Архив революции». Все воскресает в памяти. <...> Кажется, в революции все тонет, однако история идет своей дорогой, несмотря ни на какие пертурбации, и заносит на страницы своей книги все происходящее ... Как-никак, а личности М. В. Алексеева, Л. Г. Корнилова, с одной стороны, и А. В. Колчака — с другой, навсегда останутся в истории самыми светлыми, выдающимися, лучшими примерами разума, стойкости, патриотизма.

Какой бы то ни был беспристрастный читатель всегда воздаст должное памяти этих великих сынов России [4, л. 148об.—149, 18 февраля 1924].

В принятии Козловым большевистской революции решающую роль, по-видимому, сыграла его востребованность новой властью. Уже в ноябре 1917 г. путешественника назначают комиссаром от Академии наук в знаменитый акклиматизационный зоопарк-заповедник Аскания-Нова [5, л. 1]. Это назначение не было случайным: хорошо знакомый и с его основателем Ф. Э. Фальц-Фейном, и с самим зоопарком, Козлов еще до войны энергично выступал за скорейшую национализацию этого уникального уголка природы [6; 7]. И в новых политических условиях он продолжил борьбу за сохранение зоопарка от разграбления и уничтожения, итогом которой стал декрет правительства советской Украины о «сбережении» Аскании-Нова в апреле 1919 г. [8].

Несмотря на покровительство высокопоставленных советских чиновников, прежде всего личного секретаря В. И. Ленина Н. П. Горбунова — близкого друга семьи Козлова, ему тем не менее пришлось заплатить свою дань Революции. В декабре 1918 г. петроградская ЧК конфисковала содержимое его сейфа в отделении Московского купеческого банка — ценные подарки для Далай-ламы и его приближенных, заготовленные еще в 1914 г., коллекцию нефритовых и фарфоровых табакерок, золотые медали, преподнесенные путешественнику западноевропейскими географическими обществами и многое другое [9]. В течение нескольких лет П. К. безуспешно пытался вернуть свои ценности, но ему не помогло даже заступничество Н. П. Горбунова* [10, с. 216]. Кроме этих вещей, у Козлова — невзирая на охранную грамоту Наркомпроса — были реквизированы охотничьи ружья, в том числе 4 ружья, принадлежавшие Н. М. Пржевальскому, утрату которых П. К. переживал особенно болезненно [11, л. 16]. В 1918 г. было реквизировано и хранившееся в здании РГО снаряжение его несостоявшейся экспедиции 1914 г. «до самых малейших, по-видимому, никому не нужных предметов включительно», — как писал Козлов в докладной записке в Совет РГО [12, л. 8]. А летом 1919 г. районная администрация предприняла попытку выселения Козлова из его петроградской квартиры [13]. Все эти инциденты, однако, не помешали ученому продолжать свою работу. В 1920 г. из печати вышла его книга «Тибет и Далай-лама» [14], после чего Козлов принимается за неоконченное описание предыдущего, Монголо-Сычуаньского, путешествия 1907–1909 гг. [15]. В декабре 1920 г. Наркомпрос и РГО командировали его в Сибирь для налаживания связи с местными отделами и подотделами Географического общества. Осенью следующего года — новая поездка

* На запрос Н. П. Горбунова в Гохран в сентябре 1922 г. был получен ответ: «...означенные ценности не могут быть выданы вследствие того, что сейфы вскрывались на местах и направлялись в Гохран в обезличенном виде, в общей массе с другими ценностями, а посему установить их наличие в Гохране невозможно» (цит. по: [10, с. 223]).

в Асканию-Нова, где Козлов с удовлетворением наблюдал, что «разрушение прекратилось, началось созидание» [16].

С окончанием гражданской войны появилась надежда на возобновление исследовательской деятельности, на новое путешествие в любимую Центральную Азию. Определенным стимулом для этого служило то, что большевистские вожди начали проявлять повышенный интерес к Востоку, особенно к Монголии, Западному Китаю (Синьцзяну) и Тибету с целью усиления своего влияния в регионе. В 1921 г. Наркоминдел (НКВД) предпринял ряд шагов для установления дипломатических и торговых отношений с этими бывшими вассальными территориями Средней Империи, в том числе отправил секретную разведывательно-рекогносцировочную экспедицию в Лхасу. Козлов, несомненно, находился в курсе этой инициативы, благодаря давним связям с представителем Далай-ламы в России, бурятом Агваном Доржиевым, принимавшим активное участие в организации поездки. Авторитет самого Козлова как одного из немногих экспертов по тибетским делам был также достаточно высок в глазах кремлевского руководства, ибо в прежние годы он дважды встречался с Далай-ламой и сумел завязать с ним дружеские доверительные отношения. Осенью 1922 г. Тибетская экспедиция НКВД возвратилась в Москву. Эта новость послужила сигналом к действию для давно уже ожидавшего своего часа Козлова.

«Несвоевременная экспедиция»

Во второй половине XIX — начале XX вв. организация больших многолетних экспедиций, особенно в зарубежные страны, являлась прерогативой РГО. Академия наук, прежний организатор подобных путешествий, невольно отошла на второй план. Ситуация стала меняться после создания в 1915 г. Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС), давшей мощный толчок экспедиционной активности академических учреждений. Эта тенденция сохранилась и в дальнейшем.

В октябре 1921 г. в системе РАН под председательством С. Ф. Ольденбурга была создана особая структура для координации экспедиционных исследований — Комиссия по экспедициям, куда стали поступать заявки от различных, в том числе неакадемических, учреждений. Аналогичную функцию выполняло и учрежденное осенью 1922 г. при Госплане РСФСР Оргбюро по созыву конференции по изучению производительных сил страны, состоявшее в основном из крупных академических работников. Таким образом в 1922 г. Академия наук становится главным экспертом правительства по оценке научной значимости экспедиций, потеснив тем самым РГО, экспедиционная деятельность которого с начала первой мировой войны практически прекратилась из-за отсутствия финансирования. Некогда процветавшее под высочайшим патронажем и пользовавшееся большим авторитетом Общество к моменту окончания гражданской войны пребывало в плачевном состоянии.

Возродить РГО, вернуть ему былую славу могла бы новая крупная экспедиция, возглавляемая ученым, чье имя хорошо известно не только в России, но и за рубежом. И поэтому, когда Козлов в августе 1922 г. обратился в РГО с планом путешествия в Монголию и Тибет, Совет Общества на своем заседании 27 сентября постановил оказать проектируемой им экспедиции всемерную поддержку [17, л. 7]. Сразу после заседания Совет направляет в Совнарком ходатайство о разрешении провести 2–3-годовую экспедицию в эти страны. Санкция СНК последовала довольно быстро — не позднее 14 октября, как свидетельствует письмо Н. П. Горбунова Козлову [10, с. 223]. Затем (24 октября 1922 г.) Совет РГО в лице Ю. М. Шокальского

и В. Л. Комарова вновь обращается в СНК — на этот раз с просьбой о выделении средств на экспедицию Козлова. В письме руководителей Общества эта экспедиция была представлена как нечто совершенно исключительное, «единственное в своем роде предприятие», «важнейший географический подвиг». При этом подчеркивалось, что от нее ожидают не только «блестящих результатов в научном отношении»; экспедиция, кроме того, может иметь и «немаловажные практические результаты, завязав новые, более тесные сношения с народностями Центральной Азии» (!) [12, л. 5–6]. То есть очевидно стремление придать экспедиции Козлова некоторое политическое звучание, чтобы таким образом увеличить шансы на ее финансирование правительством. К письму прилагались намеченная программа исследований («Доклад П. К. Козлова в Совет РГО»), по сути повторявшая неосуществленный проект 1914 г., предложения относительно состава экспедиции и необходимого снаряжения, а также подробная смета, согласно которой общая стоимость трехлетней экспедиции в Монголию и Тибет оценивалась в 100 тысяч золотых рублей [12, л. 7–11].

Следующая инстанция — Наркоминдел, куда Козлов обратился самостоятельно, поскольку РГО поручило ему «ближайшее наблюдение за прохождением дела». 11 ноября 1922 г. с запиской от управделами СНК Н. П. Горбунова он отправился в ведомство Г. В. Чичерина на Кузнецком мосту, где вручил свой проект заведующему отделом Востока НКВД С. И. Духовскому. А уже через неделю (17 ноября) С. И. Духовский известил путешественника письмом о том, что Л. М. Карахан (заместитель наркома) ознакомился с его «Докладом» и не возражает против поездки научной экспедиции в Тибет [12, л. 4.].

Поначалу все складывалось довольно удачно для Козлова, что можно объяснить прежде всего совпадением его чисто научных интересов с геополитическими интересами советского государства. Г. В. Чичерин с Л. М. Караханом не менее Козлова стремились проникнуть в запретную Лхасу, поскольку оттуда можно было распространить советское влияние на весь буддийский мир, на всю Центральную Азию, и тем самым нанести удар по британскому влиянию на Востоке.

После НКВД проект Козлова поступает в Госплан для экспертной оценки и утверждения сметы экспедиции. 26 января 1923 г. он рассматривается на заседании подведомственного Госплану Комитета науки, в котором участвовали А. И. Рыков, М. Н. Покровский (Наркомпрос), академики В. А. Стеклов и П. П. Лазарев, П. А. Пальчинский (представитель Госплана) и С. Е. Чуцаев (представитель Наркомфина). В результате принимается постановление: «Отпустить 50 тыс. рублей в серебряных ланах и 50 тыс. в золотом исчислении советскими знаками на оборудование экспедиции Козлова в Тибет» [18, л. 366–367.]. Против такого решения выступил лишь В. А. Стеклов, назвавший экспедицию Козлова «несвоевременной», ибо она препятствует проведению других запланированных экспедиций. Надо сказать, что, несмотря на тесные контакты с академическими учреждениями, П. К. не считал необходимым проинформировать о своих планах ни Комиссию по экспедициям РАН, ни Петроградское отделение Оргбюро конференции по изучению производительных сил страны. Принятое Комитетом науки решение явилось полной неожиданностью для академического руководства, хотя, судя по воспоминаниям С. Я. Парамонова, Козлов еще осенью 1922 г. рассказывал о намечаемой экспедиции сотрудникам Зоологического музея РАН [19].

По возвращении в Петроград В. А. Стеклов поставил вопрос о целесообразности экспедиции Козлова на ближайшем заседании Петроградского отделения Оргбюро, состоявшемся 2 февраля. Мнение авторитетного академика было поддержано членами Оргбюро, которые согласились, что «экспедиция Козлова должна быть второочередною». Ситуация особенно накалилась после того, как слова

В. А. Стеклова о том, что он «немедленно напишет в Москву», были переданы Ю. М. Шокальскому. Председатель РГО тут же послал записку В. А. Стеклову с просьбой не предпринимать каких-либо шагов до личной встречи с ним [20, л. 5]. По странному стечению обстоятельств в тот же самый день (2 февраля) РГО вручило Козлову командировочный мандат в Москву «для ведения дел по предстоящей экспедиции в Тибет» [20, л. 3].

Объяснение Ю. М. Шокальского с В. А. Стекловым произошло на следующий день и было довольно бурным. В. А. Стеклов сразу же заявил, что «разговаривать не о чем», — письмо в Москву уже отправлено, отметив при этом, что «оно основано на мнении Академии материальной культуры, Оргбюро, представителя секции человека и С. Ф. Ольденбурга». Это заявление глубоко возмутило Ю. М. Шокальского, ибо, как он позднее напишет в «Докладе Совету РГО» [20, л. 10–12], «в настоящее время подобные отношения между научными учреждениями и людьми могут действительно привести к серьезному ущербу для науки». 6 февраля 1923 г. Ю. М. Шокальский обратился к Н. П. Горбунову с просьбой поддержать своим авторитетом Тибетскую экспедицию, обещающую «богатые научные плоды» [20, л. 6]. А еще через три дня заявил протест по поводу «неправильности обсуждения вопроса об экспедиции Козлова» [20, л. 11] на очередном заседании Оргбюро. Однако переубедить своих упрямых оппонентов Ю. М. Шокальскому не удалось. Особенно резко критиковал Козлова за то, что он не сообщил о своих планах ни Комиссии по экспедициям АН, ни секции человека Оргбюро, представитель последней С. И. Руденко. С мнением С. И. Руденко солидаризировались и другие члены секции — С. Ф. Ольденбург, В. П. Семенов-Тянь-Шанский, Л. Я. Штернберг, В. Г. Богораз-Тан.

Возникшие разногласия между двумя группами влиятельных ученых — Козлов и руководители РГО (Ю. М. Шокальский, В. Л. Комаров) с одной стороны и руководство РАН (В. А. Стеклов, С. Ф. Ольденбург) с другой — имели под собой причины принципиального характера. Во-первых, утвержденная Госпланом смета Тибетской экспедиции РГО более чем в десять раз (!) превышала стоимость академических экспедиционных исследований, запланированных на 1923 г. [21, л. 148], что могло привести к ущемлению интересов РАН. Во-вторых, экспедиция Козлова организовывалась хотя и по апробированному, но устаревшему образцу маршрутных рекогносцировок в духе Н. М. Пржевальского. Академические же экспедиции начала 20-х гг. стали приобретать характер планомерного специализированного изучения регионов. Это касалось и Монголии, куда летом 1922 г. была направлена Монгольско-Урянхайская экспедиция Геологического и минералогического музея РАН под руководством И. П. Рачковского.

Однако у экспедиции Козлова имелся большой «плюс» — с самого начала она задумывалась как правительственная, т. е. такая, которая должна была в той или иной степени способствовать реализации политических устремлений советского правительства. Об этой ее политической подоплеке недвусмысленно говорилось в официальной рецензии на книгу Козлова «Тибет и Далай-лама», опубликованной в журнале «Новый Восток»: русская научная экспедиция в Тибет призвана «подготовить почву» для отправки затем в эту страну торговой миссии. «Так, путем научного исследования и коммерческих связей окрепнут и политические взаимоотношения» [22]. Поэтому 9 февраля 1923 г., несмотря на противодействие мощного академического тандема Стеклов — Ольденбург, «малый» Совнарком принял на своем заседании решение об отпуске необходимых средств на организацию Тибетской экспедиции Козлова из фондов золотой секции Наркомфина [12, л. 12]. И, наконец, 27 февраля уже «большой» СНК постановил:

1. Признать своевременной и целесообразной экспедицию РГО в Монголию и Тибет под руководством путешественника П. К. Козлова сроком на 3 года.
2. Принять расходы экспедиции на средства правительства [12, л. 13].

Этот акт поставил точку в недолгом споре Стеклова с Шокальским и Козловым и несколько притушил разногласия между РАН и РГО. В начале марта П. К. сообщил жене из Москвы: «Сегодня на ходу в Акцентре я встретился со Стекловым и поздоровался как ни в чем не бывало. Стеклов был так мил, так искренне любезен со мною, как никогда!» [23].

На том же заседании СНК также дает поручение НКВД — «рассмотреть совместно с П. К. Козловым вопрос о подарках Далай-ламе и его свите», для чего начальнику экспедиции отпускают из казны дополнительно 4 тысячи золотых рублей [24, с. 96].

Снаряжение экспедиции заняло чуть более трех месяцев. 1 июня 1923 г. Козлов выступает на Совете РГО с большим докладом, в котором уточняет маршрут, цели и задачи экспедиции, штат сотрудников. Маршрут намечался следующий: Урга, Хара-хото, Гань-чжоу, Наньшань, Цайдам, затем подъем на Тибетское плато и движение в глубь горной страны к р. Мур-усу и оттуда к Лхасе. Предполагалось, что отряд будет состоять из 21 человека — начальник (П. К. Козлов), 3 старших помощника (ботаник Н. В. Павлов, географ С. А. Глаголев и геолог по рекомендации В. А. Обручева), 4 младших (орнитолог Е. В. Козлова — жена П. К., врач-энтомолог Е. П. Горбунова — сестра Н. П. Горбунова, ботаник-коллектор А. Д. Симук и геолог Б. М. Овчинников), 3 препаратора (П. С. Савельев, В. А. Гусев, В. М. Канаев), 6 человек конвойных (П. М. Саранцев, К. К. Даниленко, Н. Н. Барсов, В. М. Худяков, Н. Ю. Касимов, С. А. Кондратьев), переводчик (Б. Мухрайн),

Члены первого состава Монголо-Тибетской экспедиции.

*Сидят (слева направо): П. М. Саранцев, К. К. Даниленко, П. К. Козлов, Б. М. Овчинников, ?.
Стоят (слева направо): Н. Ю. Касимов, А. Д. Симук, П. С. Савельев. Москва, весна 1923 г.*

2 заведующих караваном (А. Мадаев и А. У. Бохин), кинооператор (М. В. Налетный)* [25, л. 22–23.]. Многих из присутствующих смутило то, что костяк отряда состоит совсем из молодых людей, не имеющих ни достаточной научной квалификации, ни экспедиционного опыта. Такой подбор спутников объяснялся тем, что на свою экспедицию Козлов по-прежнему смотрел глазами Н. М. Пржевальского как на научную рекогносцировку, для которой ему требовались прежде всего послушные исполнители его замыслов. Однако «эпический» период исследования Центральной Азии, говоря словами Пржевальского, подошел к концу. Более актуальными для региона становились исследования отраслевого, узко специального характера; отсутствие же в экспедиции Козлова высококвалифицированных специалистов делало ее особенно уязвимой в глазах академического сообщества.

Донос

Первые проблемы у экспедиции совершенно неожиданно возникли в июне 1923 г. — буквально в самый канун ее выступления, когда НКВД, без каких-либо объяснений, не выдал загранпаспорта юным Б. М. Овчинникову и Н. Н. Барсову. «Трудно описать тяжелое состояние чуть не плачущего, нравственно убитого Барсова, — записывает в дневнике Козлов. — Лично мне его очень жаль. По-моему, из Барсова вышел бы хороший спутник, несомненно принесший бы экспедиции значительную пользу» [4, л. 6, 24 июля 1923]. И Н. Н. Барсов, и Б. М. Овчинников, впрочем, пытались апеллировать к руководству НКВД, все еще надеясь, что оно переменит свое решение, но безрезультатно. Правда, Б. М. Овчинникову во время одной из встреч с политреферентом НКВД Л. Е. Берлиным в конце концов — на исходе августа! — удалось выяснить, что в экспедицию «вклеили» кого-то по распоряжению свыше, очевидно, на место выбывших, о чем он тут же сообщил Козлову, находившемуся в это время в пути [26, л. 30об.–31].

В таком же двусмысленном, «подвешенном» состоянии вскоре после возвращения в Петроград оказались и другие участники экспедиции, у которых неожиданно отобрали загранпаспорта, якобы «для проверки». Произошло это за несколько дней до отъезда экспедиции, намеченного на 29 июня. В отчаянии и ярости от подобного произвола Козлов обращается к Н. П. Горбунову, выступающему в роли правительственного куратора экспедиции, требуя от него разъяснений. Но Кремль каких-либо разъяснений давать не торопится.

Еще более тяжело и томительно потекло начало июля, — читаем мы в дневнике путешественника. — Моя поездка в Москву, бесконечные переговоры по телефону с Кремлем (Н. П. Горбуновым) и потом из Петрограда с Москвой. Телеграммы в ГПУ и, наконец, после обстоятельных переговоров с Николаем Петровичем, телеграмма следующая: «Москва. Совнарком. Каменеву. Экспедиция сильно томится, бездействует, несет большие непроизводительные расходы, умоляет разрешить срочно выдать паспорта. Время уходит. Козлов» [4, л. 2, 3 июля 1923].

Причиной столь внезапной задержки экспедиции стало решение Центра прикомандировать к отряду политкомиссара — идеологического контролера за деятельностью Козлова. П. К., как человеку военной закалки, приходится, конечно же,

* Между П. К. Козловым и кинематографическим товариществом «Факел» был заключен договор об участии в экспедиции кинооператора для съемки фильма об экспедиции. Причем предполагалось, что негатив пленки будет передан в РГО, которое получит 20% дохода от проката этого фильма [20, л. 21].

подчиниться, хотя он и не скрывает досады: «Кого-то мне подsunут помимо моего желания! Говорят, бурята. Вероятно, коммуниста. И что же он будет делать в Центральной Азии?» [4, л. 3, 14 июля 1923]. Ситуация уже вскоре окончательно прояснилась — 21 июля Козлов получил от Н. П. Горбунова телеграмму: «Выезд экспедиции разрешается. Правительственным комиссаром назначается Убугунов Даниил, который поедет в составе экспедиции вместе с двумя-тремя сотрудниками» [4, л. 5].

Что же произошло в Москве в 20-х числах июня 1923 г.? Что побудило советских руководителей блокировать козловскую экспедицию и в экстренном порядке ввести в нее нескольких посторонних сотрудников? Ответ на этот вопрос дают документы из Архива президента РФ. 22 или 23 июня 1923 г. председатель ГПУ Ф. Э. Дзержинский получил письмо от некоего А. Мартынова, по сути донос на Козлова. Автор письма — предположительно А. С. Мартынов-Пиккер [24, с. 103–104], один из ведущих сотрудников Института Маркса—Энгельса, протеже М. Н. Покровского, ссылаясь на разговор со своим секретарем, «служащим в издательстве Красная Новь» Е. Н. Шарбе, обращал внимание Ф. Э. Дзержинского на тот факт, что экспедиция Козлова организована «крайне неосторожно», что может иметь «очень вредные последствия» для Советской России. Ее начальник — «бывший полковник или подполковник царской службы, настроен весьма по-белогвардейски. Он или члены экспедиции, точно не помню, высказывались, что через 3 года, когда срок экспедиции закончится, в России не будет ни народных комиссаров, ни Сов[етской] власти, и что они сюда не вернутся». Крайне обеспокоенный тем, что члены экспедиции могут использовать отпущенные им крупные денежные средства не по назначению — «не столько для того, чтобы производить научные изыскания, сколько для ведения контрреволюционной агитации против России, не без содействия, может быть, англичан», — А. Мартынов заключал свое письмо вопросом: «Не благоразумней ли было бы отказаться от этого дела, или организовать его на совершенно новых началах» (цит. по: [24, с. 101–102]).

Реакция Ф. Э. Дзержинского была мгновенной — он тут же поставил в известность о «сигнале» А. Мартынова главу НКВД Г. В. Чичерина, и тот в свою очередь распорядился отобрать загранпаспорта у готовой к отправлению экспедиции. В то же время, 25 июня, Ф. Э. Дзержинский направил письмо в Политбюро ЦК с предложением об образовании особой комиссии «по рассмотрению вопроса о целесообразности посылки в настоящий момент экспедиции в Монголию и Тибет». В нем, в частности, высказывалось опасение, что поездка Козлова в районы, находящиеся «под господствующим влиянием Англии», где НКВД «ведется в течение нескольких лет вполне определенная дипломатическая работа», могла бы послужить поводом для новой провокации английского правительства и в то же время привести к срыву «работы НКВД» [24, с. 102–103].

Вопрос о Монголо-Тибетской экспедиции немедленно вносится в повестку дня очередного заседания Политбюро ЦК, состоявшегося 27 июня. Предложение Ф. Э. Дзержинского принимается без возражений. В особую правительственную комиссию назначают четырех человек — Л. Б. Каменева, Г. В. Чичерина, Ф. Э. Дзержинского и М. Н. Покровского, т. е. представителей от СНК, НКВД, ГПУ и Наркомпроса, что также является симптоматичным: трое первых представляют политические интересы государства и лишь последний — интересы науки. Одновременно Политбюро принимает и предложение генсека И. В. Сталина — включить в состав экспедиции бурята-коммуниста [24, с. 103]. На должность политкомиссара подыскали и утвердили подходящую кандидатуру — Д. М. Убугунова, в недавнем прошлом инструктора-организатора монголо-тибетской секции Дальневосточного секретариата Коминтерна.

Эту меру в Москве, по-видимому, посчитали достаточной, и поэтому СНК, как уже говорилось выше, через управделами Н. П. Горбунова дает Козлову «зеленый свет». 25 июля 1923 г. — в день отъезда экспедиции — Географическое общество по традиции устроило ей торжественные проводы, в которых приняли участие многие представители академических учреждений, в том числе академики А. П. Карпинский, С. Ф. Платонов, В. В. Бартольд. На границе с Монголией, в Кяхте и Троицкосавске, к отряду присоединились новые члены: буряты Булат Мухрайн и лама Шагдур Эрдынеев, рекомендованные Козлову Агваном Доржиевым, а также партийная тройка — Д. М. Убугунов с женой и Л. Е. Помытов (переводчик бурятско-го и монгольского языков).

Ургинское стояние

В Ургу — отправной пункт караванного маршрута на Лхасу — Козлов со своим отрядом въехал 1 октября 1923 г. Здесь экспедиция предполагала провести недолгое время, необходимое для снаряжения каравана и получения из пекинского МИДа, через советское полпредство, охранной грамоты и дорожных паспортов. Но злой рок продолжал преследовать путешественника. 21 октября Козлов узнает от секретаря советского представительства в Монголии В. И. Юдина, что Центр (ГПУ) отзывает из отряда С. А. Глаголева, П. С. Савельева и П. М. Саранцева. Это не просто новый удар по экспедиции, но фактически начало ее разрушения. Ведь С. А. Глаголев — старший помощник Козлова, его правая рука.

Без Глаголева Козлов с экспедицией не справится, — пишет Е. П. Горбунова в Москву своему брату. — Может быть, никто не знает так хорошо жизнь Глаголева, как я, и я знаю, что за ним нет ничего такого, что могло бы послужить ему укором в глазах Советской власти. Человек безукоризненной честности, поразительно работоспособный, кончивший университет (географическое отделение) и Географический институт, могущий вести съемку и производить всевозможные полевые исследования по зоологии, ботанике, геологии, метеорологии и т.д. Специально всю зиму готовился к путешествию. <...> Если лишить нас такого человека, как Глаголев, экспедиция потеряет одного из своих совершенно незаменимых членов, без которых ученая работа едва ли сможет идти успешно [27, л. 147–151].

Но Глаголев не просто главный помощник начальника экспедиции. Козлов давно уже смотрел на него как на преемника и потому стремился передать ему свой богатый опыт и знания. Полевая работа в Монголии и Тибете под началом столь авторитетного учителя для Глаголева — это «школа путешественника-исследователя».

Решение Москвы об отзыве трех спутников вызвало, естественно, недоумение и крайнее раздражение Козлова. Не менее тревожило его и отсутствие китайских паспортов, обрекающее экспедицию на бессмысленное стояние в Урге. Чувства путешественника в эти трудные дни хорошо передает его дневник:

Я задумался над положением экспедиции, организованной с разрешения и [при] поддержке Сов[етской] России. С самого начала, почти до конца организации экспедиции в России, все шло прекрасно и предупредительно. Но с июня месяца вкрались непонятные неожиданности: назначается в экспедицию такой-то с таким-то, паспорта отобрать, проверить и таких-то участников экспедиции отставить, очевидно, за счет поступивших или неожиданно назначенных «партийных». И с того времени пошло все, что называется, «шиворот-навыворот». Присутствие «незванных гостей» расстроило нашу цельную прекрасную экспедиционную семью.

Младшая моя братия приуныла, стала бояться проронить лишнее в дружеской беседе с товарищами слово. Китайского паспорта Россия не в силах добыть для экспедиции. Оставляет Монголо-Тибетскую экспедицию на произвол судьбы [4, л. 50об., 27 октября 1923].

Всю вину за происходящее Козлов справедливо возлагает на ГПУ и НКВД, хотя о подлинной сути интриги он, конечно же, не знает и едва ли догадывается. В то же время П. К. убежден, что покровитель экспедиции Н. П. Горбунов сумеет во всем разобраться и отстоять его ни в чем не повинных спутников. «Ясно, что решение опрометчивым не могло быть, — записывает он в дневнике. — Н. П. [Горбунов] в союзе с Кам[еневым] и Рык[овым] (очень заинтересованными экспедицией) не допустит первоначальное решение — удалить 3-х лучших спутников» [4, л. 59об., 5 ноября 1923]. И потому Козлов не спешит выполнить распоряжение Центра. Одну за другой он отправляет в СНК девять (!) телеграмм-молний, но Н. П. Горбунов упорно молчит. А тем временем НКВД через В. И. Юдина «властно» требует от него возврата в Москву трех «забраккованных» участников экспедиции.

И ничего, ничего не выйдет толкового, путного из нашей экспедиции, — сокрушенно восклицает П. К. — Как блестяще она началась и какие две раны — мучительные раны — она уже получила на своем пути. Одну — еще в Петрограде, когда навязали «украшение» ученой экспедиции, другую здесь, в Урге, когда вырвали из ее среды самых нужных, толковых людей [4, л. 67об., 15 ноября 1923].

П. К. Козлов у своей юрты. Урга, 1923 г.

Загадочное молчание Москвы становится невыносимым после того, как в 20-х числах ноября в Урге выпал обильный снег и ударили сорокаградусные морозы. Содержание нанятых экспедицией 60 верблюдов требует значительных расходов, и это побуждает Козлова обратиться к председателю СНК Л. Б. Каменеву с просьбой об отпуске дополнительных средств — 5000 рублей в золотой валюте [4, л. 77, 24 ноября 1923]. Главная его забота — сберечь «самое дорогое» — транспорт экспедиции, т. е. верблюдов. И в этот момент — 27 ноября — приходит долгожданный ответ из Москвы от Н. П. Горбунова:

В связи с осложнением международных отношений Правительство РСФСР решило временно отложить отъезд Вашей экспедиции, не предпреляя сейчас срока нового выступления, который определить пока трудно. Поэтому предлагаем участникам Вашей экспедиции, кроме сибиряков, выехать в Москву и в Петроград. Си-

биряков нужно рассчитать. Груз экспедиции оставьте в надежном месте в пределах Советской России под охраной надежного человека. Политкому Убугунову и его сотрудникам сдать мандаты через Вас Полпредству СССР в Монголии и вернуться в распоряжение Иркутского исполкома [4, л. 81, 27 ноября 1923].

Телеграмма Н. П. Горбунова — кульминационный, наиболее драматичный момент начального этапа путешествия. Чтобы понять истинную причину случившегося, необходимо вернуться в Москву в последний летний месяц 1923 г. 9 августа, в то время как счастливый Козлов со своим отрядом уже находился в Иркутске и раздавал интервью репортерам местных газет, Политбюро на своем очередном заседании принимает предложение Г. В. Чичерина об организации второй Тибетской экспедиции НКВД — отправке в Лхасу полномочной дипломатической миссии. Возглавить делегацию поручили сотруднику Восточного отдела НКВД С. С. Борисову [24, с. 121–226]. Выехать в Тибет с группой тщательно подобранных для такой поездки лиц С. С. Борисов намеревался в середине августа, однако ему пришлось задержаться в Москве из-за неожиданно возникших финансовых затруднений, и потому в столицу Монголии его экспедиция прибыла только в сентябре. Ведомство Г. В. Чичерина поначалу не возражало против практически одновременного посещения Тибета двумя экспедициями — научной и политической. Правда, в связи с письмом А. Мартынова Г. В. Чичерин вынужден был принять меры предосторожности — разработать особую инструкцию для политкома Д. М. Убугунова. В этой инструкции, между прочим, подчеркивалось, что Монголо-Тибетская экспедиция «имеет исключительно научный характер» — продолжение работ по изучению Центральной Азии, и потому ее руководителю или отдельным участникам не дается «никаких политических заданий» ни НКВДом, ни какими-либо «другими органами республики». Кроме этого, в одном из пунктов инструкции путешественникам предписывалось проявлять «особенную осторожность в сношении с населением и властями» Тибета:

В силу того, что английские империалистические круги настроены в отношении Тибета чрезвычайно внимательно и несомненно будут искать повода, чтобы истолковать факт прибытия в Тибет русской научной экспедиции как проявление антианглийской «большевистской агитации», руководители и члены экспедиции должны безусловно воздерживаться от каких-либо переговоров и даже просто разговоров на политические темы как с Далай-ламой и его Правительством, так и с представителями каких-либо тибетских партий и групп. От посещения Далай-ламы и его министров лучше воздержаться <...>. Если свидания избежать будет нельзя, то необходимо на нем подчеркнуть научный характер экспедиции и ограничиться общей информацией о положении дел в Совроссии, ее мирных взаимоотношениях с другими странами, ее национальной и религиозной политике, в духе предоставления широких прав самоуправления и вероисповедания всем населяющим Республику народам (цит. по: [24, с. 107]).

Подобная повышенная бдительность НКВД объясняется тем, что Г. В. Чичерину было хорошо известно о дружеских отношениях Козлова с Далай-ламой и его фаворитом, главнокомандующим тибетской армии Царонгом 2-м (Намганом), равно как и о желании путешественника снова свидеться со своими могущественными тибетскими друзьями. Но если поначалу эта информация воспринималась Г. В. Чичериным довольно позитивно, то теперь, после тревожного «сигнала» А. Мартынова, Тибетская экспедиция Козлова становится источником серьезного беспокойства для наркома. Тем более что С. С. Борисову предстоит вести в Лхасе очень непро-

*Шведский путешественник Свен Гедин (в центре)
среди членов Монголо-Тибетской экспедиции. Урга, ноябрь 1923 г.*

стые переговоры с англофильствующим Далай-ламой и его министрами. 27 сентября — уже после отъезда из Москвы С. С. Борисова — Политбюро по инициативе НКВД вновь рассматривает вопрос об экспедиции Козлова. Докладывают его Г. В. Чичерин и заместитель Ф. Э. Дзержинского В. Р. Менжинский. Принимается решение: «Поручить т. Менжинскому с привлечением т. Лапинова-Скобло пересмотреть состав экспедиции в духе обмена мнениями» ([цит. по: [24, с. 105]). На следующий день в Ургу С. С. Борисову за подписью Г. В. Чичерина отправляется шифрограмма: «Сообщается для сведения, что состав экспедиции Козлова будет пересмотрен, в связи с чем должна быть задержана отправка ее» [28, л. 35].

Таким образом, в конце сентября — еще до прибытия Козлова в Ургу — Центр принял решение о задержании его экспедиции в монгольской столице для нового пересмотра ее состава, а также, по-видимому, для того чтобы дать возможность «конкурирующей» дипломатической экспедиции С. С. Борисова отправиться в Тибет первой. Приоритет политических интересов над научными в этом случае вполне очевиден.

Ровно через три недели (18 октября) Политбюро одобрило предложение В. Р. Менжинского об отзыве шести членов экспедиции Козлова. В список «забронированных» вошли отозванные ранее в Петрограде Б. М. Овчинников и Н. Н. Барсов, М. В. Налетный (отчислен из отряда за пьянство самим П. К. еще в Верхнеудинске), а также С. А. Глаголев, П. М. Саранцев и П. С. Савельев. Поводом для отзыва трех последних, вероятно, послужил поступивший на них в ГПУ компромат, предположительно от Н. Ю. Касимова; в то время Козлов находился в Харбине, у родственников (сентябрь 1923). В записке В. Р. Менжинского и М. А. Трилиссера (начальник иностранного отдела ГПУ) И. В. Сталину от 22 сентября читаем: «Касимов, член РКП, включенный в состав экспедиции, написал письмо в ГПУ — бывший прапорщик Савельев (сотрудник экспедиции) обещал ее сейчас же после отъезда избавить от коммунистических элементов» [28, л. 36]. Другим источником негативной информации об экспедиции служил Д. М. Убугунов, правда, он направлял ее не

в ГПУ, а в НКВД, что позволяет говорить об определенном информационном соперничестве ведомств Г. В. Чичерина и Ф. Э. Дзержинского. Так, известно, что Д. Убугунов послал два «информационных письма» лично Чичерину 19 октября и 24 ноября 1923 г., т. е. уже после того, как Политбюро вынесло свое постановление. Надо отметить, что Центр был недоволен вялой и малоэффективной работой Д. М. Убугунова. 21 сентября Г. В. Чичерин писал с явным раздражением в Политбюро:

...теперь оказывается, что Козлов держит этого комиссара в черном теле, а от одного из введенных в экспедицию коммунистов ГПУ имеет сведения о крайне агрессивных заявлениях некоторых участников. Если экспедиция с таким составом и при совершенном бессилии введенных в него коммунистов достигнет Лхасы, она может повести там самую бесцеремонную агитацию против советского правительства и советского строя и может прямо-таки сорвать всю нашу монгольскую политику [28, л. 33].

В результате на том же заседании Политбюро принимается еще одно важное решение — поручить В. М. Молотову, И. С. Уншлихту, Г. В. Чичерину и Н. П. Горбунову «в недельный срок подыскать и провести назначение комиссара экспедиции, который смог бы фактически экспедицией руководить, дав ему политические полномочия и наименовав его полит. главой экспедиции» [29, пункт «г»].

И все же состоявшийся в октябре пересмотр состава экспедиции не означал ее ликвидации. Доступные нам архивные документы, к сожалению, не дают ответа на вопрос: какие события, происшедшие в период между 18 октября и 27 ноября 1923 г., подтолкнули Кремль к принятию столь радикального решения. Ссылка на некое «осложнение международных отношений», содержащаяся в телеграмме Н. П. Горбунова, — то, что впоследствии Козлову объяснят как давление англичан на китайское правительство с целью недопущения русской экспедиции в Тибет, представляется малоубедительной. В английских архивах отсутствуют какие-либо документы, позволяющие говорить о подобной интриге британских властей. Дело, по-видимому, было в чем-то другом. Возможно, НКВД насторожило сообщение Д. Убугунова о том, что Козлов намеревается провезти в своем караване (по просьбе тибетцев) партию оружия для Далай-ламы, или же у ГПУ появился какой-то новый компромат на Козлова и его окружение? Еще одна возможность — объяснение академика Ф. И. Щербатского (побывавшего в Урге летом 1924 г.), содержащееся в его письме С. Ф. Ольденбургу: Козлов повздорил с участниками «настоящей экспедиции» — с сотрудниками «Борисова-алтайца» и именно поэтому был отозван Москвой [30, л. 118–118об.]. Поводом для ссоры могло послужить, например, то, что НКВД отобрал у Козлова столь необходимого ему бурята Б. Мухрайна и включил его в состав экспедиции С. С. Борисова. Версия Ф. И. Щербатского, при всем ее правдоподобии, однако, не находит подтверждения в путевом дневнике Козлова, отражающем все перипетии «ургинского стояния» экспедиции и изобилующем многими весьма пикантными подробностями.

Решение Центра, хотя и было тяжелым ударом для Козлова, не сломило его воли. Уже на следующий день (28 ноября) П. К. отправил в Москву в СНК телеграмму, в которой просил правительство оставить его отряд в полном составе в Монголии до будущей весны, полагая, что к тому времени «могут уладиться международные осложнения». Свою просьбу Козлов мотивировал чисто финансовыми выкладками — продажа или сдача в аренду 60 верблюдов равносильна потере половины их стоимости; перевозка же имущества по обледелой горной дороге только в Троицкосавск сопряжена с риском и требует огромных расходов [4, л. 82, 28 ноября 1923]. И вот потянулись «страшные, томительные дни ожида-

ния» ответа из Москвы. Между тем вынужденные зимовать в Урге участники экспедиции не теряют времени даром – занимаются исследованием природы окрестностей столицы Монголии, собирают этнографические и естественно-исторические коллекции; С. А. Кондратьев, ставший после отъезда С. А. Глаголева старшим помощником Козлова, изучает музыкальный фольклор монголов*.

Прибывший в Ургу в начале января 1924 г. советский полпред А. Н. Васильев сообщает П. К. безрадостную новость — в Центре вопрос об экспедиции поставлен ребром: «Быть или не быть, вернуть экспедицию или не вернуть?» [4, л. 109, *6 января 1924*]. Козлов, хорошо понимая весь драматизм ситуации, необходимость предпринять какие-то экстренные меры, 16 января пишет письмо Н. П. Горбунову, а через две недели, заручившись поддержкой явно симпатизирующего ему А. Н. Васильева, посылает в Москву Е. П. Горбунову. На эту поездку теперь вся надежда. О результатах своего «дипломатического вояжа» Е. П. Горбунова рассказала П. К. уже по возвращении в Монголию в мае 1924 г. (писать из Москвы она не рискнула, «потому что письма читаются усиленно»):

Когда я приехала, я узнала, что экспедиция задержана не временно, но полная ее ликвидация прошла по всем инстанциям еще в ноябре месяце, и нашего возвращения ждали, не считая нужным отвечать на телеграммы. Таково было положение дела. Я поняла, что нужно развить максимальную энергию, чтобы добиться хоть каких-нибудь благоприятных результатов, и начала действовать, и сама непосредственно, и через брата, которого воодушевить снова и доказать ему необходимость возрождения экспедиции было очень трудно. Пришлось выступить с докладами в нескольких учреждениях. Я наткнулась на полную осведомленность, поразительно точную, и очень недоброжелательное отношение к Вам лично. За нами наблюдали, что вполне понятно и можно было предполагать давно, с первого дня нашей поездки и вплоть до Урги, как и за Вами в Харбине. Не нравился общий уклад нашей экспедиционной жизни, весь ее строй, не современный, Ваше обращение с людьми, не нравились более крупные вещи, о которых писать я не буду, а скажу лично, что и послужило отчасти причиной для запрещения двигаться за пределы Монголии. По мнению лиц, от которых зависла судьба экспедиции, экспедиция должна быть выразителем идей Советской России, а не осколком старины. В научную работу не вмешиваются, хотя и интересуются ею очень ... Внутренний уклад считают неподходящим, не соответствующим современности. В общем должна сказать, что летняя работа отвоєвана с громадным трудом и на нее будет обращено очень большое внимание при рассмотрении осенью дальнейшей судьбы нашей экспедиции ... [31, л. 2–3].

Итак, весной 1924 г., в основном благодаря энергичным действиям Е. П. Горбуновой, Центр отменил свое прежнее распоряжение и позволил Козлову остаться в Монголии. Состав его отряда, однако, подвергся дополнительной чистке — в Москву отозвали В. М. Худякова, Н. Ю. Касимова и Л. Е. Помытова; вместо них и отозванных ранее С. А. Глаголева, П. С. Савельева и П. М. Саранцева предполагалось ввести «5–6 коммунистов». Д. М. Убугунова решили освободить от должности политкома и заменить более авторитетной и не столь раздражающей для П. К. фигурой председателя СНК Буреспублики М. Н. Ербанова [28, л. 12]. Однако вопрос о разрешении экспедиции двинуться за пределы Внешней Монголии остался по-прежнему нерешенным. Объяснение задержки все то же: китайский МИД не выдает паспортов, но это выглядит уже как явная отговорка. Впрочем, А. Н. Васильев стремился успокоить Козлова, заверяя его, со ссылкой на мнение

* Результатом этой работы стала монография «Музыка монгольского эпоса и песен» (М., 1970).

правительства, что экспедиция «не должна втягиваться большими расходами в Монголию, она должна быть тибетской и экономить силы, энергию и материальные средства только на экспедицию в Тибет!» [4, л. 188, 9 апреля 1924].

На этом, однако, интриги вокруг «замороженной» в Урге экспедиции Козлова не закончились. Центр не утвердил М. Н. Ербанова политкомом, хотя его кандидатура и была одобрена особой комиссией Политбюро (Н. П. Горбунов, Г. В. Чичерин, В. Р. Менжинский), приняв более простое решение — передать политический контроль над экспедицией полпреду в Монголии А. Н. Васильеву. Тем временем, в самом начале мая, Дальбюро ЦК РКП(б) по инициативе полномочного представительства ГПУ на Дальнем Востоке — без консультации с Москвой — «вклеивает» в экспедицию некоего Бузулаева в качестве сексота. Эта акция едва не привела к конфликту с советским полпредством в Урге, ибо А. Н. Васильев — «добрый гений экспедиции» — решительно отсылает Бузулаева обратно в Читу [27, л. 87–89].

Под опекой Академии наук

Находясь в Урге, в напряженном ожидании решения Центра, Козлов часто вспоминает о прошлом — о своем «лучшем детище» Хара-хото. В глубине души он надеется, что это новое путешествие будет не менее «славным», чем два предыдущих, и таким образом ему удастся оправдать «доверие и симпатии народа». Эти мысли побуждают путешественника отнестись с особым вниманием к многочисленным сообщениям об археологических находках местных жителей. Главным информатором Козлова об ургинских древностях служит его старый петербургский знакомый, ученый-востоковед, Ц. Ж. Жамцарано, возглавляющий ныне Монгольский ученый комитет — прообраз будущей Академии наук МНР. Ц. Ж. Жамцарано, между прочим, рассказал Козлову об усыпальнице некой царевны в урочище Цзун-модо, в горах Ноин-Ула, севернее Урги [4, л. 147, 17 февраля 1924]. До революции в этих местах находились прииски русско-бельгийской золотодобывающей компании «Монголор», и один из ее служащих, Баллод, совершенно случайно сделал ряд интересных находок, часть которых была передана в Иркутский музей. Правда, археологи не придали тогда особого значения найденным предметам. Козлов же чрезвычайно заинтересовался находками Баллода. В конце февраля 1924 г. он отправляет на разведку в Цзун-модо «ученую экскурсию» во главе с С. А. Кондратьевым и затем, обследовав курганы лично, принимает решение — вновь попытать счастья на археологической ниве.

Первые же результаты раскопок принесли настоящую сенсацию — в курганах, оказавшихся древними могильниками, «археологи» экспедиции обнаружили большое количество прекрасно сохранившихся предметов: ткани, войлочные ковры с изображениями мифических животных, женские косы, седла, изделия из бронзы, керамику и многое другое. (Впоследствии было установлено, что погребения принадлежат гуннам эпохи Ханьской династии.) О своих находках Козлов тут же сообщил Ю. М. Шокальскому и в Главнауку, с радостью отмечая, что теперь «экспедиция посильно исполнит долг перед Родиной» [4, л. 230, 1 июня 1924]. Одновременно П. К. отправил статью о достижениях экспедиции в газету «Известия» [32]. После ее публикации Тибетская экспедиция вновь оказалась в центре внимания научной общественности. Что касается Академии наук, то начавшиеся в Монголии раскопки вызвали у нее не только огромный интерес, но и большое беспокойство из-за отсутствия в отряде Козлова профессиональных археологов. В результате, не дождавшись личного послания от руководителя экспедиции, С. Ф. Ольденбург вошел (через Н. П. Горбунова) в правительство с предложением о командирова-

нии в Монголию группы специалистов: двух археологов — Г. И. Боровко (сотрудник РАН, хранитель Эрмитажа) и С. А. Теплоухова (профессор Ленинградского университета, хранитель Русского музея); почвовед Б. Б. Польшова (сотрудник КЕПС) и минералога В. И. Крыжановского (хранитель Геологического и минералогического музея РАН) [33, л. 31–31об.]. Тревогу Непременного секретаря разделял и академик Н. Я. Марр, направивший 24 июля 1924 г. в РГО Ю. М. Шокальскому письмо от имени возглавляемой им Академии истории материальной культуры. В нем он выразил недовольство тем, что Козлов ничего не сообщил его учреждению о своих работах и не просил содействия специалистов. «Все это заставляет бояться, — заключал Н. Я. Марр, — что повторяются и здесь те же дела, какие имели место в Хара-хото»* [34, л. 33].

А тем временем Козлов, и не подозревающий, что его статья вызвала настоящий ажиотаж в академических кругах, продолжает вести раскопки по своему собственному плану. Полученная из СНК телеграмма о направлении в экспедицию новых сотрудников — без предварительного согласования с ним — не омрачает его большой радости. Специалисты, впрочем, прибыли с большим опозданием, лишь 19 сентября, когда полевой сезон уже близился к завершению. Тщательно осмотрев произведенные работы, С. А. Теплоухов высказал свое мнение — общая часть удовлетворительна, однако в деталях имеются упущения. Козлов согласился, что Тибетской экспедиции не по плечу детальное изучение археологических памятников, ее задача иная — проведение разведки, и после разговора с археологом заключил:

Изучение курганов можно считать почти законченным. Это «почти» устранил Теплоухов. Материала достаточно, и, надо полагать, его придется сдать в руки Теплоухову, а самый [ценный] материал — фактические достижения экспедиции — передать в родной Русский музей [35, л. 365об., 25 сентября 1924].

Но работа Козлова, по правде говоря, мало удовлетворила С. А. Теплоухова, о чем он откровенно написал С. Ф. Ольденбургу в самом начале октября и тем самым только подлил масло в огонь:

Раскопки Козлова велись грабительским способом, поэтому подробности погребения не удалось установить. Проверив планы могильников, дополнив неудовлетворительные дневники расспросами, выяснив небольшими раскопками некоторые детали погребения, я хотел этим и ограничиться. <...> Но политические соображения (конечно, академические) как внешние, так и внутренние, также желание всех окружающих, заставили меня решиться раскопать хотя бы [еще] один курган [36, л. 79–80].

Однако еще до того, как С. А. Теплоухов отправил свое письмо, Козловым была получена телеграмма от С. Ф. Ольденбурга и Ю. М. Шокальского с просьбой приехать в Ленинград для отчета о проделанной работе. П. К. явно озадачен, чувствуя, что за вызовом в Центр стоит Академия, притязаящая на сделанные им открытия, и потому долго размышляет ехать ему или не ехать. Поводом для таких подозрений послужило письмо В. Л. Комарова — «очень дружественное и раскрывает все дрязги и зависть: имеется поползновение присвоить открытие и проч., все, что ведется Академией против достижений Русского Географического Общества» [35, л. 371, 30 сентября 1924]. Откровенный рассказ Б. Б. Польшова о том, как он «попал в командировку», убеждает Козлова, что «борьба РГО с Академией» из-за его экспедиции «все еще продолжается» [35, л. 386–386об., 16 октября 1924]. Наглядный пример

* Выполненные на невысоком профессиональном уровне, раскопки Хара-хото в свое время вызвали серьезные нарекания археологов.

тому — лекция, прочитанная в Урге С. А. Теплоуховым, в которой тот, по мнению Козлова, преувеличил роль Баллода в открытии ноин-ульских могильников:

...Что же Баллод сделал, как не испортил большой, лучший курган: он такой же был хищник, как и монголы. Кто же знал о раскопках Баллода? Даже археологи Иркутского государственного университета молчали, да, вероятно, и не знали толком ничего, иначе они попытались бы приехать в Монголию, ведь это так недалеко! [35, л. 417об.—418, 14 ноября 1924].

Еще один упрек в адрес Козлова — за невнимательное отношение к Монгольскому ученому комитету — прозвучал в ноябре, в докладе вернувшегося из Монголии В. И. Крыжановского на заседании Комиссии по научным экспедициям РАН [37, с. 285–287]. Упрек этот, надо сказать, был совершенно несправедливым. С самого начала своих исследований в Монголии Козлов находился в тесном контакте с Учкомом и немало способствовал его научно-просветительской работе, о чем свидетельствует и факт избрания русского путешественника почетным членом этой организации [38, с. 91].

В середине декабря 1924 г. Козлов выезжает в Ленинград, где его уже ждут с нетерпением. 30 декабря он выступает с докладом в стенах родного РГО — рассказывает о достижениях Тибетской экспедиции, ее планах на будущее, и при этом не забывает отметить, что все естественно-исторические сборы по традиции будут переданы в Зоологический музей или в Ботанический сад, а археологические находки — в Русский музей, где уже хранится знаменитая хара-хотинская коллекция. А через неделю — 8 января 1925 г. — СНК принимает постановление об образовании Комиссии для рассмотрения отчетов и планов Монгольской экспедиции П. К. Козлова под председательством Н. П. Горбунова. В ее состав были включены: академики С. Ф. Ольденбург, А. Е. Ферсман, В. Л. Комаров; представитель Географического общества (по выбору Общества); А. А. Бялыницкий-Бируля (директор Зоологического музея); геологи А. А. Борисьяк и И. П. Рачковский; Б. Я. Владимирцов (член Монучкома); А. И. Васильев (полпред СССР в Монголии); представители НКВД (два); и Наркомпроса (один)* [27, л. 37]. В подборе такого состава П. К. увидел «руку» С. Ф. Ольденбурга, заранее позаботившегося о том, чтобы привлечь в комиссию лиц, которые большинством голосов могли бы принять решения исключительно в интересах РАН, «не считаясь с мнением Совета РГО» [39, л. 471об.—472, 10 января 1925].

На своем первом заседании, состоявшемся 31 января 1925 г. в Ленинграде, в малом Конференц-зале Академии наук, Комиссия заслушала доклады П. К. Козлова, Н. В. Павлова, В. И. Крыжановского, Б. Б. Плынова, С. А. Теплоухова и Г. И. Боровко. В ходе обсуждения докладов завязалась бурная полемика о методах исследования Монголии. Еще в конце 1924 г. В. А. Обручев на страницах журнала «Новый Восток» поднял вопрос о целесообразности посылки в Монголию крупных экспедиций «из разных специалистов с разнообразными задачами», поскольку «они часто мешают друг другу» ввиду «разнообразного характера и приемов научной работы» [40]. Среди защитников метода маршрутной рекогносцировки, кроме Ю. М. Шокальского и В. Л. Комарова, оказался и присутствующий на заседании Н. И. Вавилов, заявивший, что «рекогносцировочный метод может дать не меньшие результаты» и что «стационарными исследованиями мы должны заниматься у себя, т. к. у нас есть области, еще совершенно не исследованные» [36, л. 416].

* В состав Комиссии от РГО вошел Ю. М. Шокальский, от Наркомпроса — Ф. Н. Петров, одним из представителей Наркоминдел стал Л. Е. Берлин.

П. К. Козлов выступает с докладом о результатах Монголо-Тибетской экспедиции. Ленинград, Академия наук, 31 января 1925 г.

И все-таки итогом дискуссии стало признание необходимости стационарного способа исследования Монголии различными специалистами. С этим выводом в конечном счете согласился и Козлов.

С. Ф. Ольденбург высоко оценил поступок Козлова:

Петр Кузьмич один из немногих оставшихся в живых из того большого поколения путешественников по Средней Азии, которые проложили пути в дотоле неизвестных местах. То было время, когда всякая экспедиция велась маршрутным путем. Это был способ путешествовать от Пржевальского и до Козлова. И теперь сам Козлов <...> говорит, что этот способ отживает век и что мы должны вести экспедиции иным путем, прежде всего путем стационарным [20, л. 151].

Сенсационность археологических находок, сделанных Козловым в Ноин-Ула, в конечном счете предопределила итог обсуждения: деятельность Монголо-Тибетской экспедиции была полностью одобрена.

Однако на втором заседании Комиссии (7 февраля), посвященном оценке привезенных Козловым коллекций и обсуждению их дальнейшей судьбы, произошло новое столкновение между РАН и РГО. С. Ф. Ольденбург предложил передать ноин-ульские находки для научного изучения и атрибуции не в Русский музей, как этого хотели Козлов и Ю. М. Шокальский, а в Академию истории материальной культуры, мотивируя это тем, что «в составе Русского музея нет специалистов, которым могла бы быть поручена обработка этого материала, т. к. для этого требуются специальные знания» [20, л. 172об.]. С этим мнением согласилось большинство членов Комиссии, что и было зафиксировано в принятом решении [20, л. 165].

В перерыве доклада П. К. Козлова. Сидят (слева направо): академик Ф. И. Щербатской, П. К. Козлов, академик А. П. Карпинский, академик С. Ф. Ольденбург, академик А. Е. Ферсман. Стоят (слева направо): археолог А. С. Теплоухов, минералог В. И. Крыжановский, почвовед профессор Б. Б. Польнов, археолог Г. И. Боровко

Покончив с отчетами о проделанной работе, Козлов приступил к решению, пожалуй, самого трудного вопроса — о дальнейшей программе исследований, главным пунктом которой по-прежнему являлась работа на территории Тибета. Решить его Комиссии СНК оказалось не под силу — как сказал в своем заключительном слове на первом заседании Н. П. Горбунов: «Здесь нам невозможно обсудить тот вопрос. Он требует обсуждения и указания Наркоминдела» [39, л. 506об.—507, 13 февраля 1924]. В течение полутора месяцев Козлов обивает пороги высоких инстанций, главным образом НКВД и ОГПУ. Личная встреча с наркомом (13 февраля) поначалу не сулит ничего хорошего. Чичерин откровенно дал понять путешественнику, что китайцы «под угрозой европейцев, в особенности англичан» русскую экспедицию «никуда не пустят»; да и политическая ситуация в самом Тибете крайне неблагоприятна: повсюду царят «разброд, распри, гражданские козни» — так что о работе в этой горной стране «нечего и думать» [39, л. 512, 15 февраля 1924]. Н. П. Горбунов, которому П. К. пересказывает содержание ночной беседы с наркомом (Г. В. Чичерин обычно принимает «своих» поздно ночью), соглашается с тем, что «Чичерин очень осторожен и мало решителен», и советует действовать с другого конца — «обратиться в ГПУ и переговорить с М. А. Трилиссером».

Сам он тем временем пытается «обработать» мнительного Г. В. Чичерина, заинтересовать его козловской экспедицией, и тот уже буквально на другой день «же-

лает видеть снимки коллекций и вообще знать, во что оценены результаты Тибетской экспедиции, что по этому поводу сказали А. Н. (Ольденбург) и Г. О. (Шокальский и Комаров)» [39, л. 513об., 17 февраля 1925]. Политический фактор снова решительно вмешивается в ход событий — 17 февраля Козлов записывает в дневнике: «Л. Еф. Берлин говорит (по телефону): Г. В. [Чичерин] очень интересуется Тибетской экспедицией, и нужно завтра доставить план ее дальнейших шагов» [39, л. 513об., 17 февраля 1925]. На следующий день составленный Козловым план предстоящих работ вместе с финансовым отчетом ложится на стол Г. В. Чичерину. «Тяжелый камень дипломатии», кажется, сдвинулся с места. Нарком одобрил обновленный проект исследований и дал поручение Л. М. Карахану «убедить Китай выдать пропуск и т. д.» экспедиции Козлова (по крайней мере, так об этом сообщил 21 февраля Козлову Л. Е. Берлин).

Хождения ученого между Кузнецким мостом и Лубянской, однако, продолжают еще целый месяц. Козлов с нетерпением ждет ответа из Пекина от Л. М. Карахана, без которого его руки все еще связаны. Согласно новому плану работа экспедиции летом 1925 г. должна быть сосредоточена в Монгольском Алтае, а лето 1926 г. Козлов собирался провести в Восточном Цайдаме — на ближайшем подступе к Тибету, где должна быть устроена стационарная база и откуда можно будет совершать экскурсии в глубь Тибетского плато в направлении истоков р. Янцзы [27, л. 47–48].

Отношение к экспедиции «навёрху» постепенно меняется: Козлов становится снова нужен советскому правительству, поскольку его открытие получило широкий международный резонанс. Центр выделяет Козлову дополнительно 12 тысяч золотых рублей «для производства работ по изучению Внешней Монголии» и даже соглашается вернуть в экспедицию С. А. Глаголева!

Довольный таким исходом, Козлов 25 марта 1925 г. покинул Москву. А через несколько дней (31 марта) СНК на своем заседании подвел итоги работы Комиссии по рассмотрению отчетов Монголо-Тибетской экспедиции. Принимается решение о срочном издании результатов работы экспедиции, утверждается соглашение между Козловым и Ц. Ж. Жамцарано о передаче Учкому МНР «части археологических коллекций», но, пожалуй, самое главное — это решение об образовании при СНК СССР постоянной комиссии под председательством Н. П. Горбунова «для планомерного систематического исследования Монголии» [36, л. 195]. Идея создания такой структуры всецело принадлежала руководству РАН. По мысли С. Ф. Ольденбурга, Монгольская комиссия на первых порах могла бы курировать экспедицию Козлова «в связи с отсутствием у нее лиц с полной научной квалификацией» [36, л. 90].

В начале апреля путешественник снова в Монголии. Завершив работы в окрестностях Урги, экспедиция разделилась на две партии — одна, под руководством С. А. Глаголева, направилась в Монгольский Алтай и оттуда в Хара-хото для дополнительных раскопок и снятия плана городища; другая, которой руководил сам П. К., выступила в направлении Южного Хангая. Вырвавшись наконец-то на «светлые научные просторы Азии», Козлов стремился наверстать упущенное — вел интенсивную археологическую разведку, занимался маршрутной съемкой, пополнял ботаническую и зоологическую коллекции. Около 5 месяцев — до весны 1926 г. — его отряд находился в предгорьях Хангая. Здесь ученый затеял новые раскопки в урочище Олун-сун, где им были обнаружены развалины древнего монастыря. (Исследование мест нахождения буддийских монастырей — одна из рекомендаций С. Ф. Ольденбурга.) Заключительный этап экспедиции (весна–лето 1926 г.) — это палеонтологические раскопки вблизи реки Холт, посещение озера Орок-нор и развалин Хара-хото в низовьях Эдзин-гола.

Возвращение экспедиции в Ленинград. Октябрь 1926 г.

В целом путешествие по Южной Монголии принесло немало ценных находок, однако повторить ноин-ульский успех Козлову, увы, было не суждено.

Работа экспедиции в период 1925–1926 гг. проходила под тесной опекой РАН (С. Ф. Ольденбурга), что подчас вызывало раздражение у Козлова. «Сегодня получена бумажка от Н. П. Горбунова с копией письма С. Ф. Ольденбурга, — записывает он в дневнике в середине июня 1925 г. — Последний, так или иначе, не хочет упустить связь с Т[ибетской] экспедицией и вместо Р. Г. О-ва становится в роль опекуна. Я люблю Ольденбурга за его энергию, инициативу, за его уместные подсказки, все это хорошо, но нельзя же чересчур расписывать, что нам нужно делать, как делать и каким путем разыскивать те или другие памятники» [39, л. 609 об., 13 июня 1925]. Однако что-либо изменить в характере установившихся отношений с Центром Козлов бессилён. Осуществить свою программу до конца ему так и не удалось: основательно увязнув работой в Монголии, экспедиция уже не смогла выступить в сторону «заветного юга», в Цайдам и Тибет, несмотря на китайские паспорта, наконец-таки полученные из Пекина в ноябре 1925 г.

* * *

Такова вкратце история самой знаменитой и вместе с тем самой странной советской экспедиции 1920-х гг. Начинаясь в 1923 г. под флагом РГО как «Тибетская», экспедиция вернулась в Ленинград три года спустя уже как «Монгольская» (в истории науки она фигурирует под названием Монголо-Тибетской), осуществленная РГО совместно с РАН. Этой удивительной метаморфозе экспедиция Козлова обязана в равной степени как интриге ОГПУ и НКВД, так и активному вмешательству в ее планы руководителей РАН — С. Ф. Ольденбурга и В. А. Стеклова. Путешественнику не удалось выполнить первоначально поставленные перед со-

бою задачи — исследовать истоки трех великих азиатских рек (Салуэна, Янцзы и Меконга) и посетить Лхасу, и тем не менее его путешествие, благодаря сенсационным раскопкам ноин-ульских могильников, — последний большой подарок судьбы! — в конечном счете увенчалось полным научным триумфом.

В трудной судьбе козловской экспедиции как в зеркале отразились многие «боле-вые узлы» эпохи, особенно сложный и во многом противоречивый характер взаимоотношений власти и ученого. Козлов вынужден был искать общий язык и идти на компромиссы с властными структурами, ибо только таким образом он мог реализовать свои научные амбиции. В то же время ему пришлось принять «опекунство» Академии наук и даже уступить ей часть своей славы. Но за «посягательствами» РАН на его открытия стоит вполне оправданное стремление ее руководителей, прежде всего С. Ф. Ольденбурга, поднять качественный уровень научных исследований, чем в действительности и объясняется своевольное внедрение в экспедицию Козлова академических специалистов. С другой стороны, если говорить о конфликте между РГО и РАН в начале 1923 г., то он был порожден совсем другой причиной — явными перекосами в системе государственного финансирования науки. И поэтому не случайно, что за разрешением своих разногласий и Ю. М. Шокальский, и В. А. Стеклов одновременно апеллировали к Кремлю.

В своих дневниках Козлов подчеркивает, что наука и политика — «две вещи разные», особенно для него, «искренне-го любителя первой и совершенно не любящего вторую» [35, л. 405, 4 ноября 1924]. Но жизнь не позволяет ему сделать выбор по душе, потому что наука в той или иной степени всегда связана с политикой, тем более в Советской России. И тем более, когда речь идет о научной экспедиции в столь важный в стратегическом отношении регион, как Центральная Азия. И все-таки высокие моральные качества, мужество и преданность Козлова идеалам своих великих предшественников оказались достаточно сильным противовесом давлению и интригам властей, и его «родное детище» — Монголо-Тибетская экспедиция — сумела оправдать возлагавшиеся на нее надежды и вписала еще одну славную страницу в летопись русской географической науки.

Ю. М. Шокальский и П. К. Козлов.
Дом отдыха в Старом Петергофе, 1935 г.

Литература*

1. ПФА РАН. Ф. 906. Оп. 1. Д. 27.
2. *Андреев А. И.* Почему русского путешественника не пустили в Лхасу // Ариаварта. Нулевой выпуск. СПб., 1996. С. 199–223.
3. Архив русской революции / Сост. И. В. Гессен. Т. 1–22. Берлин, 1922–1937.
4. АМК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 64. Дневник Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. № 1.
5. ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1-1918. Д. 12.
6. *Козлов П. К.* Аскания-Нова в ее прошлом и настоящем. СПб., 1914.
7. *Козлов П. К.* Первые опыты акклиматизации животных в России. СПб., 1915.
8. *Борейко В. Е.* Аскания-Нова: тяжкие версты истории (1826–1993). Документально-публицистическое исследование. Киев, 1994.
9. АМК. Ф. 1. Оп. 4. Д. 33.
10. *Горбунов Н. П.* Воспоминания. Статьи. Документы. М., 1986.
11. ЦГИА Санкт-Петербурга. Ф. 2551. Оп. 1. Д. 134.
12. АРГО. Ф. 18. Оп. 2. Д. 107.
13. АМК. Ф. 1. Оп. 4. Д. 24.
14. *Козлов П. К.* Тибет и Далай-лама. Пг., 1920.
15. *Козлов П. К.* Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото. М.-Пг., 1923.
16. *Козлов П. К.* Аскания-Нова // Наука и ее работники. 1921. № 6. С. 32–36.
17. АРГО. Ф. 1-1922. Оп. 1а. Д. 95.
18. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 1. Д. 126.
19. *Лесной С.* «Академик-путешественник» П. К. Козлов (из личных воспоминаний) // Природа. 1993. № 4. С. 122–128.
20. АРГО. Ф. 1-1923. Оп. 1. Д. 9.
21. ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1-1923. Д. 1.
22. Ф. Ф. А. [Рецензия на книгу П. К. Козлова «Тибет и Далай-Лама». Пг., 1920] // Новый Восток. 1922. № 2. С. 662–663.
23. АМК. Ф. 1. Оп. 6. Д. 393.
24. *Андреев А. И.* От Байкала до Священной Лхасы. Новые материалы о русских экспедициях в Центральную Азию в первой половине XX века (Бурятия, Монголия, Тибет). С.-Петербург–Самара–Прага, 1997.
25. АРГО. Ф. 1-1923. Оп. 1а. Д. 97.
26. АРГО. Ф. 18. Оп. 3. Д. 502.
27. АВП РФ. Ф. 3. Оп. 4. Пап. 107. Д. 28.
28. Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 739.
29. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 388.
30. ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 685.
31. АРГО. Ф. 18. Оп. 3. Д. 177.
32. *Козлов П. К.* о своих работах в Монголии (письмо начальника Тибетской экспедиции путешественника П. К. Козлова) // Известия. 1924. 15 июля.
33. ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1-1923. Д. 24.
34. АРГО. Ф. 1-1924. Оп. 1. Д. 5.
35. АМК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 65. Дневник Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. № 2.
36. ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1-1924. Д. 23.
37. Документы по истории Академии наук СССР. 1917–1925 гг. Л., 1986.
38. Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Т. 1. М.–Улан-Батор, 1974.
39. АМК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 66. Дневник Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. № 3.
40. *Обручев В. А.* Об очередных задачах исследования Монголии // Новый Восток. 1924. № 6. С. 287–290.

* Принятые обозначения: АВП РФ — Архив внешней политики РФ; АМК — Архив музея-квартиры П. К. Козлова (Санкт-Петербург); АРГО — Архив Русского географического общества; ПФА РАН — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН; РГАЭ — Российский государственный архив экономики; РЦХИДНИ — Российский центр хранения и использования документов новейшей истории; ЦГИА Санкт-Петербурга — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга.